

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.9; 103.2; 103.3

От сердца к образу: к 75-летию профессора Б. В. Маркова

Д. Ю. Дорофеев

Санкт-Петербургский горный университет,
Российская Федерация, 199106, Санкт-Петербург, В. О., 21-я линия, 2

Для цитирования: *Дорофеев Д. Ю.* От сердца к образу: к 75-летию профессора Б. В. Маркова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 382–392. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.301>

Статья посвящена юбилею известного в России петербургского философа Бориса Васильевича Маркова. Автор статьи, основываясь на многолетнем опыте личного и профессионального общения с юбиляром, хочет представить на основе его биографии и творчества выразительный и целостный образ Б. В. Маркова как человека и как философа и с этой целью пытается рассмотреть его сложную философскую эволюцию, которая проходила в ключевые периоды для отечественной философии, когда отечественная мысль активно впитывала в себя ставшие доступными ключевые философские тексты XX века. Б. В. Марков отличается уникальной способностью творческого переосмысления самых разных философских направлений — классических философских школ, феноменологии, экзистенциализма, герменевтики, аналитической философии, структурализма, — актуализируя их значение для современной философии и синтезируя их опыт в своем оригинальном понимании. Отдельно подчеркивается специфика устного и письменного языка Маркова, отличающегося выразительностью, яркостью и афористичностью. Не случайно философия языка оказала большое влияние на философское становление Бориса Васильевича, оставаясь на протяжении всего его творчества одной из главных тем исследований. Касаясь некоторых ключевых книг профессора Маркова, написанных в разное время, автор стремится кратко затронуть и проанализировать основные особенности философского стиля, мышления, мировоззрения философа. Отдельное внимание уделено философской антропологии, с которой напрямую связана философская деятельность юбиляра на протяжении последних нескольких десятилетий. В связи с этим особое внимание уделено его книге «Разум и сердце», с которой начинается самый продуктивный период его философского творчества, в настоящий момент связанного с проблемами визуальной антропологии и коммуникации.

Ключевые слова: Б. В. Марков, 75-летний юбилей, современная философия и философская антропология, философия языка, коммуникаций и визуального образа, развитие отечественной и петербургской философии.

В 2021 г. Борис Васильевич Марков отмечает свой юбилей — 75 лет. Сам он, впрочем, не намерен устраивать каких-то особых празднований по этому случаю, но, как мне кажется, философское сообщество не может не воспользоваться этим поводом, чтобы подчеркнуть значение нашего коллеги в развитии философии последних нескольких десятилетий. Не хотелось бы впадать здесь в напыщенную патетику или официальное восхваление, дифирамбы или энкомии, все это слишком чуждо человеческому и профессиональному этосу и всему образу Бориса Васильевича. Скорее хотелось бы окинуть заинтересованным, благорасположенным, где-то даже критическим взглядом, пусть и в самой краткой форме, пройденный им к настоящему времени путь, который был во многом характерным и показательным для отечественной философии последних 40–50 лет и особенно значимым для нашего города, Санкт-Петербурга. Признаемся, что подчас какие-то важные действия и слова мы совершаем и произносим благодаря внешнему формальному поводу, каким можно считать и юбилейную дату. Поэтому, сохраняя живую человеческую, даже личную интонацию, хотелось бы не отдать долг, а выразить искреннее чувство благодарности и признательности за сделанное им, а заодно воспользоваться возможностью на нескольких страницах проследить и оценить труд многих лет.

Пожалуй, нет в Петербурге человека, который, будучи так или иначе связан с философией, не знал бы профессора Маркова или лично, встречаясь на защитах диссертаций, конференциях, презентациях, или по его публикациям, многочисленным статьям и книгам. Это и не удивительно, учитывая особую жизненную активность Бориса Васильевича, являющуюся, возможно, проявлением его вологодских, деревенских, «здоровых» корней, которые давали и продолжают давать ему силы находиться многие годы в центре философской деятельности. Редко у кого встретишь такую же продуктивность, выражающуюся не только в написании текстов, но и в экстравертивных, публичных формах манифестации своей философской позиции. Наш юбиляр почти всегда соглашается участвовать в конференциях и грантовых проектах, выступать официальным рецензентом, оппонентом или руководителем диссертантов, написать статью в сборник или прийти на радиопередачу (этой безотказностью, заметим мы мимоходом, коллеги не всегда корректно пользуются). Чувствуется, что нахождение в бурлящем событиями центре жизни с насыщенными межличностными и философскими коммуникациями — стихия существования Бориса Васильевича, в которой одновременно зарождается и проявляется его мысль, хотя последнее время в его глазах и интонациях прослеживается вполне естественная усталость. Конечно, немало такой активности способствовало и то, что *вся* его научная жизнь, начиная с поступления на философский факультет в 1966 г. и принятия ассистентом на кафедру диалектического материализма сразу после защиты кандидатской в 1974 г., была связана с Ленинградским, ныне Санкт-Петербургским, университетом, центральным образовательным и научным центром нашего города. Впрочем, путь к философскому факультету ЛГУ был непростым, тернистым, ведь сперва выпускник школы Борис Марков, приехавший

из Вологодской деревни в Ленинград, не смог поступить в архитектурный институт и на истфак университета, и только с третьей попытки он стал универсантом. Так здоровый деревенский этос стал приобщаться болезненно-меланхоличному хроно-топу нашего города.

В отличие от еще и поныне бытующей схемы, ассоциирующей образ философа с подчеркнуто романтизированной интровертностью, медитативностью, молчаливой меланхоличностью, Маркова чаще всего можно встретить с игриво-добродушной, по-сократовски ироничной улыбкой, хитроватым взглядом, готового к открытому общению, впрочем, сохраняющему в такой межличностной коммуникации некоторую дистанцированность — черту, за которую он не позволяет переходить. Образ Сократа, которого еще при жизни сравнивали с силенами и сатирами, здесь возникает не случайно, и, предполагаю, он не раз произвольно появлялся у знающих профессора Маркова людей. Действительно, в манере держать себя, общаться, даже во внешности есть что-то у Бориса Васильевича от древнегреческих сирен, которые способны загипнотизировать своим пением, и от игриво-экстатических сатиров, находящихся в вечных плясках. Его лекции, семинары, выступления представляют своего рода увлекательный перформанс, кажущуюся одной сплошной волной импровизацию, которая, однако, пронизана четкой структурой и большой подготовительной работой. Все это позволяет говорить здесь о *спонтанном порядке*, который захватывает с непреодолимой силой слушающих его, погружая их при этом не в хаос, а в глубинные основания мысли и понимания.

Но уже и в этом проявляется определенная двойственная неоднородность Бориса Васильевича: с одной стороны, открытость, доступность, предельная демократичность, а с другой стороны, сохранение дистанции, ненавязчиво обозначаемая граница, если угодно, произвольная и всегда опосредованная манифестация своей отстраненности и даже инаковости. Используя кантовские и в целом философско-антропологические понятия и позволяя себе осторожно поиграть словами, можно сказать, что *феномен Маркова заключается в том, что он никогда не превращался в феноменализм*, и, общаясь с ним, при желании всегда можно было ощутить некую ноуменальную уникальную *личность (Personlichkeit)*, которая подчас просвечивает в его образе и не позволяет недопустимого панибратства. Наверное, наш юбиляр промолчал бы и иронично выразительно улыбнулся, если бы его назвали «мыслителем», «наставником», «властелином дум» или, на худой конец, «интеллигентом», но за его «демократизмом», впрочем, не показным и не намеренно полагаемым, для знающих его людей проскальзывает какая-то тайна и глубина, что-то в полной мере феноменально невыразимое и непроявляемое, но лишь временами, намеками обозначающее себя в образе. Не хочется здесь уходить в мистику бытия позднего Хайдеггера или даже гётевских размышлений о Первофеномене (Urhänomenon). Предположу лишь, что исток глубины, смысловой насыщенности и уникальной пластичности образа этого человека лежит в опыте достаточно тяжелой, особенно на первом этапе, жизни, пронизанной физическим трудом; генетической близости, даже в условиях жизни в мегаполисе (из которого, впрочем, Борис Васильевич и сейчас при первой возможности стремится уехать на свою вологодскую фазенду), с землей и ее энергетическими токами; привычке к постоянной критической рефлексии, ставшей способом существования; особом эстетическом вкусе, позволяющем избегать крайностей «эстетизма» и «народности»; и, наконец,

простой человеческой порядочности, соблюдении тех основных традиционных этических устоев, которые, однако, сейчас для многих кажутся почти маргинальными, не вписывающимися в тренды современной жизни.

И тут мы подошли к еще одному *coincidentia oppositorum* в образе этого человека: это своего рода диалектическое единство современности и традиционности. Сейчас, наверное, непросто представить, что кандидатская и докторская диссертации Бориса Васильевича были посвящены классическим проблемам философии науки. Действительно, для каждого, кто хоть сколько-нибудь читал работы Маркова или даже просто что-то слышал о нем, он представляется одним из наиболее ярких и выразительных представителей, даже символов *современной* философии, прежде всего философской антропологии, которая, впрочем, понимается им предельно широко, органично интегрируя и «перемалывая» в себе феноменологию и аксиологию, герменевтику и аналитическую философию, семиотику и философию языка, философию повседневности и коммуникаций. Действительно, его тексты раскрывают самое средоточие наиболее актуальных философских тем, остро, выразительно, живо проблематизируя их генезис, смыслы и перспективы. Причем такой подход характерен как для тех случаев, когда рассматриваются такие важные для современной философии и культуры фигуры, например, Ницше [1], так и для тех, когда анализируются более классические эпохи, например, христианство [2]. Везде мы находим интертекстуальные переключки, неожиданные и смелые сравнения и сопоставления, раскрывающие новые смысловые перспективы. Б. В. Марков обладает уникальной способностью приближать к нам дух и представителей этих уже далеких времен, актуализировать, делать их зримыми, позволяя устанавливать с ними продуктивную смысловую коммуникацию, а не сбрасывать их мертвым неподвижным грузом в архив истории. Это делает его тексты чуждыми догматичной однозначности, позволяя раскрывая в них диалогичность, подчас незаметно переходящую в релятивизм. В этом плане он никогда не был «историком философии», но вся история философии и культуры была и остается для него полем проблемной актуализации современной философии, которое давало ему вдохновение для свободных, подчас вольных, смысловых импровизаций, в духе кантовской свободной игры воображения и рассудка, спонтанности и понятий, и на котором он чувствует себя свободно и уверенно, никогда не ограничиваясь рамками узкой специализации. Еще и поэтому нашего юбиляра затруднительно отнести к какому-либо одному философскому направлению — такая «локализация» слишком бы ограничила его образ, предельно широкий и свободный.

Во многом подобная актуализация и проблематизация тем, направлений, личностей, целых эпох достигается динамичностью, выразительностью, пластичностью, точностью *языка*. Это характерно как для письменных работ философа, так и для его лекций и семинаров. В этом смысле устный и письменный язык философских размышлений, а также повседневная речь Бориса Васильевича не слишком отличаются друг от друга, органично передавая целостность его образа, что, вообще говоря, бывает довольно редко. Он стремится помочь своим читателям и слушателям, не возвышаясь над ними всезнающим оракулом и не закрываясь от них стеной сложных понятий, а действительно желая найти с ними общий, по возможности простой и выразительный язык, на котором можно говорить о фундаментальных и насущных проблемах. Возможно, и поэтому сам Марков определяет стиль своего

языка как афористический. И неудивительно, что уже несколько поколений (в том числе и автор этих строк) ценят марковский философский дискурс за искрометность, импровизационность, спонтанность языка, кажущуюся легкость этой «языковой игры», за которой, однако, стоят годы самообразования и которая никогда не является самоцелью, поскольку призвана явить, воплотить, развернуть мысль, помочь прояснить ее смыслы, а не затруднить, затемнить, усложнить понимание для тех, кто к этому стремится.

Язык — вообще одна из самых постоянных философских привязанностей Бориса Васильевича, в которой раскрываются его «традиционность», близость к стихийным, устным, идущим из коллективного народного сознания устоям, которые вошли скрепами в его языковое сознание еще в деревенском детстве. Видимо, в том числе и народные корни не дают языку нашего юбиляра соблазниться «прелестями» пафосной претенциозности академического, часто мертвого и по форме и по содержанию письма, за которыми нет ничего, кроме самомнения и гордыни. При этом надо вспомнить, что его научным руководителем была Мария Семеновна Козлова, наверное, самый известный и глубокий в советской философии специалист по Людвигу Витгенштейну, логическому позитивизму и аналитической философии языка. М. С. Козлова принимала своих учеников, в том числе Бориса Васильевича, у себя дома, беседуя с ними на темы философии языка. И вот я вспоминаю, как приходил в начале 90-х вместе с однокурсником к нему домой вместе со скромным тортиком, который за искрометными разговорами о насущном мы не успевали съесть... Да, традиция продолжается — по крайней мере, так хочется думать. Две разные, для многих противоположные установки по отношению к языку (ведь неопозитивисты стремились *de facto* преодолеть и исправить повседневный язык, критикуя его за множество неточностей, догматизм скрытых предпосылок, излишнюю вольность и т. п.) встретились и органично, хотя и не сразу и не без трудностей, объединились в языковом сознании Маркова. Язык не «Логико-философского трактата», а «Философских исследований» позднего Витгенштейна оказался близок ему своей фрагментарностью, динамичностью, мозаичностью, отсутствием строгой, в духе «Критики чистого разума» или «Бытия и времени», линейности, своей выразительной гипертекстуальностью.

Думается, что именно тогда, в начале 70-х годов прошлого века, закладывалось у нашего юбиляра ответственное отношение к языку не как к *средству* выражения мысли, отданному на произвол философа, а как к *самостоятельному* пространству ее зарождения, образования и восприятия. Уроки (само)обучения критическому мышлению и четкости, ясности, строгости выражения идут один за другим и отсылают друг к другу. Очевидно, что в той вольности, свободе, даже где-то философской игривости стиля работ Бориса Васильевича, который некоторые коллеги явно или скрытно критикуют за недостаток академической строгости и нормативности, сказывается именно усвоение этих уроков аналитической философии, воспринятых и индивидуализированных живым, непосредственным, близким к земле и стихии устной речи языковым сознанием. Сам Марков признает, что именно М. С. Козлова учила его писать и редактировать свои тексты, язык которых был продуктом борьбы и диалектического единства его деревенского сленга и ее академического стиля. Конечно, достичь здесь идеальной гармонии, наверное, невозможно, и перекосы, связанные прежде всего с присутствием крайностей хезитации устной речи

в письменном тексте, найти у Б. В. Маркова не трудно. Сам Борис Васильевич признается, что часто недостаточно уделял времени редакторской работе над языком своих произведений. Впрочем, учитывая отбирающую много времени административную загруженность заведующего кафедрой и сжатые сроки, в которые эти тексты вынуждены были по разным причинам — в частности, из-за настоятельных просьб редакторов журналов, сборников, издательств — создаваться, это вполне объяснимо. Другое дело, что именно так формировался стиль мышления и языка Бориса Васильевича, который отличает его от других коллег и является его «фирменным» знаком, как бы мы его ни оценивали.

Конечно, на разных этапах философского пути язык открывался профессору Маркову в разных ракурсах. Так, в конце 70-х — начале 80-х годов, во многом под влиянием Виктора Александровича Штоффа, известного ленинградского философа по методологии научного познания, язык интересует его прежде всего в контексте гносеологических, эпистемологических философско-научных проблем, чему была посвящена и первая книга Маркова [3]. Позже происходит увлечение проблемами семиотики, а с конца 80-х, когда в нашу страну начинают активно приходиться тексты ключевых западноевропейских философов, начинается пора увлечения «языком бытия» Мартина Хайдеггера (Борис Васильевич, неплохо зная немецкий, даже переводит и издает небольшой брошюрой текст этого философа под названием «Язык», который, впрочем, является больше интерпретацией Хайдеггера) и текстовыми нарративами французских (пост)структуралистов, а уже в 2000-е годы происходит новое открытие аналитической философии, прочитанной сквозь призму позднего Витгенштейна, повседневных коммуникационных практик и уроков Юргена Хабермаса.

В связи с этим нужно отметить, как это признает сам Марков, что западноевропейским философам он всегда отдавал явный приоритет перед отечественными, которые находились как бы в тени, что, возможно, в чем-то ограничило его мысль, хотя язык произведений Бориса Васильевича подчас напоминает язык книг Василия Розанова и Николая Бердяева. Возможно, это связано с его некоторой осторожностью и даже где-то дистанцированностью по отношению к религии, в том числе православному христианству. Он, конечно, писал об этом, но, скорее, как критический ученый-аналитик, а не как верующий, которому его вера открывает новые горизонты понимания, если вспомнить замечательную работу Макса Шелера «*Liebe und Erkenntnis*» [4]. Впрочем, традицию религиозно-духовного опыта Борис Васильевич тоже знал. Он к ней произвольно приобщался в детстве, слушая в вологодской деревне разговоры о христианских догмах своих бабушки и дедушки (который одно время даже жил в монастырской обители Нила Сорского), а позже еще один очень уважаемый им учитель и наставник по университету, Ярослав Анатольевич Слинин, открывал для него не только премудрости Гуссерля, Хайдеггера и в целом великой немецкой философии, но и духовной литературы.

И все же, как мне представляется, язык никогда не был важен для Маркова сам по себе, он всегда или актуализировался как путеводная нить к какому-то иному смысловому полю, или рассматривался как часть более широкой исследовательской установки. Понимая неизбежную схематичность и ограниченность самой попытки смоделировать в нескольких словах жизненный и мысленный опыт многих годов, рискну предположить, что *наука открыла Маркову язык, чтобы язык открыл че-*

ловека. Вспомним, что в 1974 г. Борис Васильевич поступает ассистентом на кафедру диалектического материализма, а в 1989 г., по совету Ю. Н. Солонина (ставшего в том же году деканом философского факультета ЛГУ) и Ю. В. Перова (заведующего кафедрой истории философии) участвует в конкурсе на должность заведующего этой кафедрой, которую чуть позже предложит переименовать в кафедру онтологии и теории познания. Однако, как это открывается нам сейчас, спустя 30 лет, все это было лишь подготовкой к образованию и утверждению в 1994 г. кафедры философской антропологии, многолетним руководителем (вплоть до 2014 г.) и даже символом которой он был и остается поныне.

Философская антропология действительно в наибольшей степени соответствует тому, чем занимался Борис Васильевич последние десятилетия, хотя необходимо и определить, как же ее понимать (и это тема отдельного исследования). Иногда даже пишут о созданной им школе философской антропологии. Понятие философской школы очень сложное и неоднозначное, недаром некоторые исследователи весьма обоснованно сомневаются в существовании даже единой «школы Сократа» [5, с. 130–131]. Думаю, что и о «школе философской антропологии» в Петербурге можно говорить здесь лишь очень условно, метафорично. Но вот то, что Борис Васильевич дал *реальный* толчок некоторым, в том числе и автору этих строк, для обращения в сторону философской антропологии, возможно даже понимаемой иначе, чем рассматривает ее он сам, — с этим поспорить нельзя. Поэтому точнее говорить здесь не о институализации, а о *персонализации философской антропологии*, во многом представленной образом и межличностными коммуникациями конкретного человека.

Сейчас смело можно говорить, что начало 90-х годов было решающим временем для творческого формирования основ самобытной философско-антропологической направленности исследований Бориса Васильевича. Впрочем, не только для него — эти драматичные годы были одновременно временем творческого становления и даже расцвета всего философского факультета СПбГУ, и не только его одного. И знаковым событием, причем не только для самого автора, но и для всей петербургской и даже, косвенно, российской философии здесь являются написание и публикация в 1993 г. его книги «Разум и сердце: история и теория менталитета». Наверное, еще многие помнят эти старые издания книг, печатавшихся в Санкт-Петербургском государственном университете, и невольно ностальгируют по ним, как по временам своей юности, молодости или зрелости. В самом деле, нельзя без волнения вспоминать эти книги в мягком переплете, на желтоватой, почти газетной бумаге, объемом примерно 230–250 страниц, выходявшие казавшимся тогда очень маленьким (потому что стоящие книги быстро раскупались) тиражом в 500–1000 экземпляров.

В этой книге воплотилась атмосфера эпохи, открывшей для себя необъятные горизонты западноевропейской философии — аксиологии Шелера, феноменологии Гуссерля, герменевтики Гадамера, фундаментальной онтологии Хайдеггера, психоанализа, экзистенциализма, структурализма и т. д. — и стремящейся ее творчески переосмыслить и развить, в том числе с учетом как традиционных религиозных подходов, свойственной русской православной философии, так и диалектических и гносеологических наработок советской философской школы. И надо сказать, Маркову и всей российской философии это во многом удалось,

пусть критическая рецептивность зачастую и преобладала над продуктивным синтезом. Именно на страницах этой книги многие ключевые классические и современные философы предстали, во многом впервые для отечественного читателя, в новом своем деидеологизированном образе, неожиданно живом, динамичном и актуальном.

Читая эту и последующие книги Маркова, иногда трудно прочертить грань между самим Борисом Васильевичем и теми мыслителями, о которых он пишет, так полно он вживается в «игры» их мысли, незаметно — и в этом состоит его «хитрость разума» — используя для стратегического развития своих собственных интенций. Наверняка у строгих историков философии в этом отношении возникали многие нарекания, зато в этих текстах явно достигалась феноменологическая очевидность, выразительность, осязаемая пластичность смыслов, созерцающая которые каждый мог обрести свой бесценный опыт. Поэтому в «Разуме и сердце» мы найдем опыт критической рецепции всех основных направлений, но все же определяющей перспективой здесь была именно философская антропология, развиваемая через аналитику повседневных практик и коммуникаций. Наверное, нет смысла пересказывать и тем более критически анализировать здесь эту книгу, в которой автор пристально следит «за переговорами сердца, разума и тела, идущими в глубине духовной жизни людей» [6, с. 4], раскрывая изменчивые способы их моделирования — каждого в отдельности и как составляющих человеческой целостности — языковыми дискурсами коммуникации. Важно отметить, что в этом труде был явлен некий, пусть и предварительный, *философско-антропологический синтез*, стремящийся герменевтически реконструировать многие устоявшиеся метафизические концепты, избегая односторонних монистических крайностей и представляя полифоничное разноцветие смыслов в истории, полагаемых и организуемых в повседневном бытии человека. Неудивительно, что философия повседневности также становится одной из основных тем исследований профессора Маркова именно с этой книги, ведь она так тесно связана с треугольником *язык — тело — власть*, который на протяжении всех 90-х и начала 2000-х годов был основой и стержнем его философско-антропологических изысканий.

Однако постепенно в эту триаду входит проблема *визуализации* культуры и человека, *визуального образа и визуальных коммуникаций*. Собственно, насущность философского исследования этой темы была определена самой повседневной жизнью, точнее, тем ее кардинальным изменением, которое было вызвано распространением компьютеров и Интернета. Единственный приоритет языка как нарратива, дискурса и коммуникации, который казался незыблемым после работ французских философов 60–70-х годов прошлого века (Леви-Стросса, Барта, Фуко и др.), оказался поколеблен или даже смещен визуальным образом, который перестал удовлетворяться ролью пасынка и стал претендовать на суверенное значение [7]. Борис Васильевич очень пронизательно почувствовал новые веяния, тем более что и сам анализ языка в философско-антропологической перспективе, как он представлен в таких его книгах, как «Знаки бытия» [8] и особенно «Люди и знаки» [9], не мог не обратиться к проблеме визуального образа, как, с одной стороны, неразрывно связанного с языком, а с другой — манифестирующего собой по отношению к нему свое независимое суверенное инобытие. Философская антропология во многом предстает в наши дни *визуальной антропологией и коммуникацией*, и на-

деюсь, наша совместная с Борисом Васильевичем книга под таким названием, которая, хочется думать, должна выйти в этом году, сможет это выразительно показать.

Особенностью Бориса Васильевича как человека и как философа является как раз открытость миру, людям, живущим в этом мире, их актуальным и злободневным проблемам. В этом смысле питательная почва его философии — это соматически ощущаемая близость к этому миру, далеко не всегда разумному и справедливому, часто хаотичному, больному и жестокому, но при этом дающему подчас удивительные примеры красоты, верности и любви. Борис Васильевич следует за этим миром, ведь другого ни у него, ни у нас нет; он следует за ним, чтобы фиксировать его процессы и смыслы, так быстро меняющиеся, особенно в России. Поэтому у него нет и, наверное, и не могло быть своего *magnum opus*, но каждая его книга является ответом на вызовы нашего мира и — нет, не попыткой их решения, для этого он слишком трезво, устало и даже скептически смотрит на окружающую действительность — попыткой поставить им в меру своих сил диагноз, следуя словам Лермонтова в предисловии к «Герою нашего времени»: «Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!» [10, с.197] И совсем неудивительно, что последняя, совсем недавно вышедшая у нашего юбиляра книга напрямую посвящена осмыслению случившейся с человечеством болезни, злосчастной пандемии COVID-19, и ее влияния на человека, общество, культуру, саму нашу жизнь [11]. Трудно сказать, выработает ли эта «политическая (или любая другая) иммунология» устойчивый коллективный иммунитет у ее читателей, но образ Бориса Васильевича Маркова выразительно представляет очевидность и необходимость философии даже в больном мире XXI в., поддерживая тем самым тех, кто начал ее выбирать для себя, и давая радость общения тем, кто ее уже выбрал. И радость эта, личная и профессиональная, лишь усиливается у меня (и думаю, не только у меня одного) сейчас, когда есть возможность публично поздравить Бориса Васильевича с юбилейным днем рождения, поблагодарив за сделанное и пожелав здоровья.

Литература

1. Марков, Б. В. (2005), *Человек, государство и Бог в философии Ницше*, СПб.: Владимир Даль.
2. Марков, Б. В. (1999), *Храм и рынок: человек в пространстве культуры*, СПб.: Алетейя.
3. Марков, Б. В. (1983), *Проблема проверяемости и обоснования теоретического знания*, Л.: ЛГУ.
4. Scheler, M. (1963), *Gesammelte Werke, Bd. VI*, Bern and München: Francke Verlag, pp. 77–98.
5. Шичалин, Ю. М. (2018), *Platonica I. Сборник статей*, М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
6. Марков, Б. В. (1993), *Разум и сердце: история и теория менталитета*, СПб.: Изд-во СПбГУ.
7. Дорофеев, Д. Ю. и Семенова, В. Н. (2020), Образ человека и визуализация политической коммуникации в эпоху постмодерна, *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*, т. 36, вып. 4, с. 687–699.
8. Марков, Б. В. (2001), *Знаки бытия*, СПб.: Наука.
9. Марков, Б. В. (2011), *Люди и знаки. Антропология межличностной коммуникации*, СПб.: Наука.
10. Лермонтов, М. Ю. (1969), *Собрание сочинений: в 4 томах*, т. 4, М.: Правда.
11. Марков, Б. В. (2021), *Политическая иммунология*, М.: Проспект.

Статья поступила в редакцию 5 июня 2021 г.;
рекомендована в печать 25 июня 2021 г.

Контактная информация:

Дорофеев Даниил Юревич — д-р филос. наук, доц.; dandorof@rambler.ru

From heart to image: In honor of the 75th anniversary of professor B. V. Markov

D. Yu. Dorofeev

St. Petersburg Mining University,
2, 21-ia liniia, V. O., St. Petersburg, 199106, Russian Federation

For citation: Dorofeev D. Yu. From heart to image: In honor of the 75th anniversary of professor B. V. Markov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2021, vol. 37, issue 3, pp. 382–392. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2021.301> (In Russian)

The article is dedicated to the anniversary of Boris Vasilyevich Markov, the famous philosopher of Saint Petersburg, Russia. The author of the article, basing on many years of personal experience and professional communication with the hero of the day, presents an expressive and holistic image of Markov as a person and as a philosopher according to his biography and creativity. An attempt is made to consider the complex philosophical evolution of Markov, which took place in key periods for Russian philosophy when Russian thought actively absorbed the key philosophical texts of the 20th century that had become available. Markov is distinguished by a unique ability to creatively rethink a variety of philosophical trends — classical philosophical schools, phenomenology, existentialism, hermeneutics, analytical philosophy, structuralism — actualizing their significance for modern philosophy and synthesizing their experience in their original understanding. The specificity of Markov's oral and written language is distinguished by its expressiveness, brightness and aphorism. It is no coincidence that the philosophy of language had a great influence on his philosophical development, remaining as one of the main research topics throughout all his works. Touching upon some of the key books of Professor Markov, written by him at different times, the author strives to briefly mention and analyze the main features of his philosophical style, thinking, and worldview. Special attention is paid to philosophical anthropology, which is directly related to the philosophical activity of the hero of the day over the past few decades. In this regard, emphasis is given to Markov's book "*Mind and Heart*", which marked the beginning of the most productive period of his philosophical work, which is currently associated with the problems of visual anthropology of communication.

Keywords: B. V. Markov, 75th anniversary, modern philosophy and philosophical anthropology, philosophy of language, communication and visual image, development of Russian and St. Petersburg philosophy.

References

1. Markov, B. V. (2005), *Man, State and God in the Philosophy of Nietzsche*, St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
2. Markov, B. V. (1999), *Temple and Market. Man in Perspective of Culture*, St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
3. Markov, B. V. (1983), *The problem of verifiability and substantiation of theoretical knowledge*, Leningrad: Leningrad University Press. (In Russian)
4. Scheler, M. (1963), *Gesammelte Werke, Bd. VI*, Bern-München: Francke Verlag, pp. 77–98.
5. Shichalin, Yu. M. (2018), *Platonica I. Collection of articles*, Moscow: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina Publ. (In Russian)
6. Markov, B. V. (1993), *Mind and Heart: A History and Theory of Mentality*, St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
7. Dorofeev, D. Yu., Semenova, V. N. (2020), Human image and visualization of political communication in the postmodern era, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 36, iss. 4, pp. 687–699. (In Russian)
8. Markov, B. V. (2001), *Signs of Being*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)

9. Markov, B. V. (2011), *People and Signs. Anthropology of interpersonal communication*, St. Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
10. Lermontov, M. Iu. (1969), *Collected works, in 4 vols., vol. 4.*, Moscow: Pravda Publ. (In Russian)
11. Markov, B. V. (2021), *Political Immunology*, Moscow: Prospekt Publ. (In Russian)

Received: June 5, 2021
Accepted: June 25, 2021

Author's information:

Daniil Yu. Dorofeev — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; dandorof@rambler.ru